

Виктор
Брюховецкий

Белый лебедь

Виктор Васильевич Брюховецкий

Белый лебедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51829857

Белый лебедь:

ISBN 978-5-91638-113-9

Аннотация

В новую книгу русского поэта Виктора Брюховецкого «Белый лебедь» вошли стихи, написанные автором в последние годы. И снова в стихах поэт остается верен выбранной однажды теме: теме родины, любви, природы. Тонкий лирик, философ, он в своих строчках на протяжении всей книги подтверждает незыблемость этого союза. А если ко всему автору порой удается с наших «глаз повязку снять...», то нам открывается большее, о чем мы и не догадывались.

Владение словом, образность, кажущаяся простота строк, высокий профессионализм, культура языка и нравственные основы, определенно делают эту книгу явлением современной литературы не только Петербурга, но и всей России.

Содержание

Белый лебедь	8
«Мой отпечаток зрим...»	10
«Родился. Вышел из дверей...»	12
«Позови меня в дорогу...»	13
«В детстве пророк, а потом обалдуй...»	14
Воскресенье	16
«Так от порога навсегда...»	17
«Как в эту жизнь сумел я незначай...»	18
«Куплю кота на черном рынке...»	19
«Лунный дождь течет сквозь крышу...»	20
«Гроза случится позже. К вечеру...»	22
«Засну, как провалюсь в кювет...»	23
«Сплю и снится Ванька Жуков...»	25
В деревне	27
«Встает заря. Луна зрачком совы...»	29
«Болтали, сидели, на небо глядели...»	31
«Сентябрь на ветках краснотала...»	33
«Бьет крылом петух на крыше...»	35
«Загляну в колодец – космос...»	37
«Я травы собирал. Меня косило время...»	39
«Полдень пахнет смородиной...»	41
«Деньги... деньги...»	43
«Некрасивый пейзаж в темных створках окна...»	45

«В белые ночи рыбак без улова...»	47
«Там, где ясени да тополи...»	48
«Вечер окна зажег, расплескал кружева...»	50
«Полдень. Ласточка мается...»	51
«Всё проходит в жизни, но не это...»	53
«И пошел я гадать к гадалке...»	55
«А в том краю царила кутерьма...»	56
«С тяжких веток яблоки падают и падают...»	57
«Когда я милых дам целую под вино...»	58
«Я, конечно, восстану из пепла.....»	59
Из жизни	61
Шмели	62
«Какая маленькая пчелка...»	63
Рута	64
Яблочки	65
«Мне нравится осень...»	67
Тихая охота	68
Утро	69
Суббота	71
Август	72
«...но негаданно неожиданно...»	74
«Перепаханы пашни. Поля...»	76
«Снег упруг. Дорога ровная...»	78
Вот и снова весна	80
«Распахнется окно на зарю...»	82
«Май окончен. Целуясь, голуби...»	83

«Синим утром в лесу пьет кукушка росу...»	84
«Люблю мгновение, когда...»	85
«Сказал – вернусь...»	86
«Травы мягкие, как скатерть...»	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Виктор Васильевич
Брюховецкий
Белый лебедь**

© Брюховецкий В., стихи, 2016

© «Знакъ», макт, 2016

Белый лебедь

А за рекою белый лебедь ходит...

1953

Месяц март за окном. Льдинок хрупкие блестяшки.
Уйма свету в окне! Стой, замри, не дыши...
Мой отец был чудак. Не жестокий, но жесткий:
«Чем сугробы месить, лучше стих напиши...»

И я помню:

Крыльцо, тополь машет руками,
Солнца яркого прорва над нашим селом,
Подоконник, усыпанный весь воробьями,
Пацаны на сугробах,
И я... за столом.

Мой отец был рыбак. Он вязал пятипёрстку¹.
Он описывал плавной рукою круги...
Он не просто занятие придумал подростку —
Он причину придумал:
Жалел сапоги.

Я писал про весну, про отцовские сети,
Как луга за рекой заливают вода...

¹ Пятипёрстка – пятидесятка (пять перстов), размер ячеек (авт.)

Это всё, что в семь лет я увидел на свете,
А про лебедя – просто придумал тогда.

Был он с красными лапами, белый-пребелый.
Принимая весну, он справлял торжество!
Я, по сути, в стихах ничего с ним не делал,
Просто выпустил в луг и смотрел на него.

Мой отец был хитрец.
Взгляд прищуренно-весел.
Стих пришелся ему, я узнал по глазам.
Он взъерошил меня и, беззлобно отвесив
Подзатыльник, промолвил:
«Ступай к пацанам...»

Я обул сапоги и ушел на планету,
По сугробам пошел, закружился в борьбе.
И все долгие годы, скитаясь по свету,
Я ношу и ношу эту строчку в себе.

«Мой отпечаток зрим...»

Мой отпечаток зрим.
Как след медвежьей лапы,
Он узловат.
Ни каменных дворцов,
Ни крепко сшитых «в лапу»
Резных палат.

Я просто шел и пел,
Марал бумагу кровью,
Звенел струной,
И, брызжущим в лицо,
Дышал в ответ любовью,
А не слюной.

Я возводил свой храм,
И, укрепляясь в вере,
Я знал: спасет.
Я этот храм воздвиг.
Я открываю двери.
Входите. Вот...

Всмотритесь и —
Увидите воочью:
Здесь, в глубине,

Строка любая,
Каждое отточье —
Всё обо мне.

«Родился. Вышел из дверей...»

Родился. Вышел из дверей.
Сошел с крыльца, калитку тронул
И палец в кровь порвал, и понял:
Не будет мне поводырей.
И... каплю в рот, чтоб кровь не видеть...
Сто лет живу, сто лет храню
Той боли привкус, как броню,
Как право – жить и не обидеть.

«Позови меня в дорогу...»

Позови меня в дорогу
Без начала и конца,
От родимого порога,
От заветного крыльца —

Под осиновые всхлипы,
Под осиновую дрожь,
В лето, пахнущее липой,
В колосающую рожь.

Посели во мне тревогу,
Тайным знаком осени,
Но к родимому порогу
Обязательно верни.

«В детстве пророк, а потом обалдуй...»

В детстве пророк, а потом обалдуй,
Словно крапива, я рос на подворье,
Оспой болел ветряною и корью...
– Не заколдуешь – колдуй, не колдуй...

Так я шептал, угорая в бреду,
Черной холстиной от солнца укрытый.
Выжил и вышел, пошел и бреду,
Оспую меченый, битую битый.

Выжил и вышел, а солнце – в упор,
Чтоб не ослеп, чтобы видел любое —
В небе ли синем, в бездонном забое,
Или в душе, где под жаркий мотор

Боли насыпано, словно опилок,
Налито крови горячей густой...
Что мне для счастья?
Патрон золотой,
Тихую пристань и пулю в затылок,

Чтобы не бить понапрасну сапог,
Чтобы великой печали не видеть,

Чтоб никого не успел я обидеть,
Чтобы предать никого я не смог.

Воскресенье

Конь прядает,
В оглоблях тычась.
Плеча касается щекой.
Болотный бык ревет, набычась,
Гоняет эхо над рекой.

Стоит июль.
Еще пол-лета!
Дымит Алей. Заря светла.
Лети вперед, моя планета,
Впрягай меня в свои в дела!

Огранивай!
Опять и снова
К карату прибавляй карат,
Чтоб получилась жизнь толкова,
Чтоб вся сложилась аккурат.

«Так от порога навсегда...»

Так от порога навсегда,
Раскрытыми оставив двери,
Мы уезжаем в города,
Чтоб научиться им не верить.

Мы уезжаем в те края,
Где тоже – люди, но не те же,
Где, прошибая в стенах бреши,
Мы эту жизнь от «а» до «я»

И чувствуем, и принимаем,
И познаем, и познаем,
И вдруг однажды понимаем,
Что как-то странно мы живем:
Душою – там, делами – здесь...

Что делать, так оно и есть.

«Как в эту жизнь сумел я невзначай...»

Как в эту жизнь сумел я невзначай
Попасть и задержаться в ней надолго?
Шумел Алей.
Потом плескалась Волга.
И вот теперь, заваривая чай
Близ Ладоги, я думаю о том,
Что мне ответа не найти, пожалуй,
Еще немного – и погодой шалой
Меня смахнет, и скрученным листом
Стекая по стволу большого дерева,
В последний раз вдохну я чернозем,
И разгляжу, как солнце в небе слева
Плывет направо желтым карасем,
Бьет плавниками, воздуха рябит,
И чувствует, как по нему тоскует
Моя душа,
И как она скорбит
От пониманья, что не существует.

«Куплю кота на черном рынке...»

Куплю кота на черном рынке,
Куплю двуспальную кровать,
И стану я ему у крынки
По вечерам стихи читать.

Он будет очень умный кот.
Он эти строчки незаметно
Под молочко и посвист ветра
На свой язык переведет.

Снега сойдут, прольются ливни,
Мы будем с ним супы варить,
И он под запахи и рифмы
Начнет однажды говорить.

И вот тогда мы ночью встанем,
И в добрый час в лесу ночном
Отыщем дуб и цепь натянем,
И сказку новую начнем.

«Лунный дождь течет сквозь крышу...»

Лунный дождь течет сквозь крышу,
Капает на край стола.
Я строку еще не слышу,
А строка уже пришла.

За окном не скрипнул гравий,
Не учуял пес про то.
Кто ее ко мне направил?
Полагаю – знаю, кто.

Он и сам вослед явился,
Вроде, плоть, а – не видать.
Мотыльком оборотился,
Над свечою стал летать.

Близ огня кружит и вьется,
Сбоку, снизу, так и сяк...
Думает – не обожжется.
Обожжется.
Еще как...

А строка совсем простая,
Напишу и полюблю,

И, в губах ее катая,
Губы до крови спалю.

«Гроза случится позже. К вечеру...»

Гроза случится позже. К вечеру.
Вот только зашуршит стреха,
Как гром послышится, но речь его
Невнятна будет и глуха.
И всё затихнет в ожидании,
И станут улицы пусты,
И в тайной точке мироздания
Родятся помыслы – чисты,
И сокровенны, как наитие,
Как свет, чья истина – светить!
И это тайное событие
Поэт не должен пропустить.

И он глядит, глядит во мрак...

Кто б знал, мучительно-то как.

«Засну, как провалюсь в кювет...»

Засну, как провалюсь в кювет.
В мозгах горчит.
Что мне на это скажет Фрейд?
А Фрейд молчит.

А Фрейд ушел давным-давно.
Размылся след.
Он там, где сыро и темно,
И звука нет.

Один живет, печален, тих,
Мол, все фигня...
Ну, что ему до снов моих
И до меня?

И мне до этого нет дел,
Не гош ли – гош?..
Всему на свете есть предел,
И срокам тож.

Всему на свете свой черед.
Из года в год
Один придет, другой уйдет,
А жизнь идет.

Вот и моя во мне течет,
Звенит, журчит,
Пока не предъявляет счет,
И не горчит.

Но, если отправляет спать,
То всё равно,
Укладывает не в кровать —
В кювет. На дно.

«Сплю и снится Ванька Жуков...»

Сплю и снится Ванька Жуков.
Оборванец, нищий, бомж...
Нет, не Ванька...
Но на внука
Очень здорово похож.

Белобрысый, тощий, уши,
Лямка, цыпки на руках...
Ходит, стучает баклуши.
А повсюду лужи, лужи
И рекламы на домах.

Он слоняется без дела
Вкривь и вкось, туда-сюда.
Неприкаянное тело,
Окаянная беда.

Я спросить его пытаюсь.
Понимая – это сон,
Подойду и просыпаюсь,
Засыпаю – снова он...

На Фонтанке возле лестниц,
У Московских у Ворот...

И вот так который месяц,
И вот так который год.

Может, он деревней бредит,
Мол, в деревне хлеб и свет!..
Напишу, пускай приедет,
Здесь хотя бы грязи нет.

Здесь, у нас, житье! А как же...
Здесь порядки еще те!
Здесь скотину держат даже
И в тепле, и в чистоте.

Всё путем, не понарошку...
Как доехать – научу:
Помнят все тропу-дорожку
К Константин Макарычу.

Да и им не позабыта
В деревенской стороне
Хата дедова, корыто,
Ржавый бредень на плетне.

В деревне

Я выхожу и слушаю простор.
Листва шумит, но ветер меж стволами
Так увлечен текущими делами —
Ну что ему зеленый этот вздор!

Он шарится, он догоняет, ищет,
Гремит калиткой, в поддувала свищет,
Качает шест на длинном журавле,
Подолы рвет, заглядывает в лица,
Дразнит собак – и, надо ж, не боится! —
Как дед Пахом, когда навеселе.

Я здесь живу четвертую неделю.
Пахома знаю, Настю и Емелю.
Мне сельская по нраву кутерьма.
Представьте: ночь, сова мышами бредит,
Емеля на печи куда-то едет,
И ветер дым относит за дома.

А, Господи, какая благодать —
Пить молоко, и бабу наблюдать,
Что два ведра несет на коромысле
На скотный двор,
А ночью за столом

Припомнить всё, что ты увидел днем,
И рифмой подпереть кривые мысли.

«Встает заря. Луна зрачком совы...»

Встает заря. Луна зрачком совы
Неярко освещает панораму.
Пастух с посадкой гордой головы
На рыжем, перемахивая яму,
Гремит бичом, срезая лопухи,
Те самые,
Которые матрона,
Прогуливаясь возле першерона,
Легко и славно вставила в стихи.

Лежат луга в дыму и паутине.
Играют гимн.
Огромная страна
Раскрыта, как гармонь, —
Баса на Сахалине,
А голоса под Питером.
Слышна
Родная речь.
Спешат на дойку бабы...
Струится молока парная нить!
Россия, Русь! Да ты легко могла бы
Не только нас – полмира напоить
Отличным молоком. Но вот, не поишь.

Согнув деревню и подняв Москву,
Слепая, ты иные дойки доишь,
Забыв про вологодскую траву...

«Болтали, сидели, на небо глядели...»

Болтали, сидели, на небо глядели.
Ни словом, ни делом, а, вроде, при деле.
Петух на шесте засыпал, просыпался
И корм золотой по земле рассыпался,
И лист осыпался, и гуси летели,
И ветер сомнений хозяйничал в теле.
Такая эпоха.
Советы... палаты...
Сосед уезжает.
– Куда ты?.. Куда ты?..
Не скажет. Куда там! Плотней запахнется
И в небе чужом о звезду разобьется.
А перья кружатся. Гусиные перья!
И местные жители, веря в поверья,
Сажают озимый чеснок.

О, деревня...

С оглядкой на лист, что роняют деревья,
На белый туман, что на зорях клубится,
Крестьянин предчувствует холод. Как птица!
Он ходит неспешно, он чистит лопаты,
Меж рам намечает сугробы из ваты,

И в старом кисете из ткани посконной
Талоны на водку хранит за иконой.

«Сентябрь на ветках краснотала...»

Сентябрь на ветках краснотала,
Среди полей.
Смотрю – а жизнь нарядней стала.
И веселей!

Светлее небо и просторней,
И в вышине
Плывет орла кораблик черный,
А по стерне —

Косая тень его. Чуть дальше —
К реке, в луга
Бегут коровы, как на марше,
Подняв рога.

Волною это привечая,
Бежит Ишим.
И мы бежим, не замечая,
Что вот – бежим.

И ветер шарит по осинам
В лесу рябом.
И облака бегут. На синем.

И голубом.

«Бьет крылом петух на крыше...»

Бьет крылом петух на крыше.
Деревянный, как живой!
Чем он смотрит, что он слышит,
Как вращает головой?

Я живу под этой птицей,
Скот пасу, коров дою.
Петуха кормлю пшеницей,
Медовухою пою.

Хорошо мне в этом доме
От иных забот вдали.
Кошка дрыхнет на соломе,
Куры возятся в пыли.

На заборе кринки, банки.
Печень, вырезка, сычуг...
Если радость, то без пьянки,
Если песни, то – Шевчук.

Волкодав следит за стадом.
Луг, цветы, пчелиный рай.
И печаль такая рядом,
Хоть сто лет не помирай!

«Загляну в колодец – космос...»

В.С.

Загляну в колодец – космос!
Крикну – Эй! – ответит голос
Чей-то – эй... – из тишины...
А вокруг по всей поляне
Бродят ежики в тумане,
За туманом не видны.

Под луной светла гречиха,
Конь пасется тихо-тихо,
Рядом кто-то, волосат,
Шевелится в темных вётлах,
Ведьмы лётают на мётлах.
Лукоморье... Детский сад!

И среди всего такого
С именем хорошим – Вова,
Ты живешь и знаешь, где
Леший прячется в болотце,
Знаешь, что внутри, в колодце
Ласточки живут в гнезде.

Ходишь много, смотришь зорко.

Видишь, как восходит зорька,
Как ступают поутру
Вдоль деревни без опаски,
Гуси в розовой раскраске
Рядышком – перо к перу.

«Я травы собирал. Меня косило время...»

Я травы собирал. Меня косило время.

Оно текло сквозь пальцы, леденя.

И солнце золотых лучей беремя

Несло в охапке, и они, звеня,

Качали травы. Семя осыпалось...

Вокруг меня огромная страна,

Что никому еще не поддавалась,

Трезва от воли, от беды хмельна,

Летела мощно на восток и запад,

Хоть и казалось: не летим – стоим.

Она, неправды чуя серный запах,

Чужим сшибала бошки и своим,

И, выправляя векторы усилья,

Родные побережья не качнув,

Над океаном раскрывала крылья,

На запад поворачивая клюв...

И в самом центре, собирая травы,

Я жил и понимал, как высока

Ее печаль...

Я наварю отравы

Из трав, понятных глазу степняка,

Ливонцам предложу и самураям,

Чтоб на века уразумели то:

Почто мы так красиво умираем,
И если убиваем, то за что.

«Полдень пахнет смородиной...»

Полдень пахнет смородиной,
Молоком, кизяком.
Закушу огородиной,
Молодым чесноком!

Ой, ты светлая родина,
Птичий свист над селом!
Тихо скрипнет воротина,
Конь заржет под седлом.

Светлогривый, игрневый,
Хвост волной до земли...
Дым над речкой сиреневый,
А за речкой шмели.

Там хлеба золоченые,
Сладкий запах костра,
Там осоки, точеные
О тугие ветра.

Там колышется марево,
Погонись – пропадешь!
Умотает и старого,
Да и юного тож.

«Деньги... деньги...»

Деньги... деньги...
Куда бы деться!
Душу спрятать свою куда б.
Повезло мне, что я из детства,
Где из нас был любой не слаб,
Не лукав, и смотрел открыто,
Вот, наверное, потому
Половина друзей зарыта
И вторая глядит во тьму.
С ними вместе смотрю туда же,
Раздвигаю грядущий мрак.
И смешно мне и горько даже,
И порою совсем никак...
А на небе заря покроя
Августовского.
Хороша!
Что, скажи мне, во мне такое,
Отчего ты скорбишь, душа?
Для чего мне досталась эта
Удивительная планета,
Где грущу я и хохочу;
Трачу жизнь —
Получая сдачу,
Удивляюсь: зачем не плачу,

А всё яростней жить хочу?

«Некрасивый пейзаж в темных створках окна...»

Некрасивый пейзаж в темных створках окна.
Тарахтенье машин с пробуксовкой и юзом,
И транзит облаков с шевелящимся грузом
Над великим Союзом...
Была же страна!

Но порушили.

Кто?

Да свои...

У, тоска...

Жалко?

Нет.

Почему?

Потому что не горе.

Но угрюмее жизнь, и дороже треска,
И навряд ли поедешь теперь в санаторий.
А назад не хочу...
Я смотрю из окна —
Перспектива дороги темна, и над нею
Одинокая птица.
Видать, и она
Это родиной тоже считает своею.

«В белые ночи рыбак без улова...»

В белые ночи рыбак без улова.
Небо чухонское близко и блекло.
Дождь не кончается. Снова и снова
Сыплет и сыплет. Округа промокла.
Крыши пробиты. Проселки раскисли.
В голову лезут недобрые мысли.
Водка закончилась. Ходики встали.
Тот, кого жду я, ошибся дорогой...

Здесь я!
Открыты и двери, и ставни!

А над коньком моей кельи убогой,
Серой от серых дождей, во весь дух
Крыльями бьет деревянный петух.
Бьет и орет от зари до зари,
Слышно, наверное, даже в Твери...

Где же ты шляешься, черт побери!
Ты, кого жду я?..

«Там, где ясени да тополи...»

Там, где ясени да тополи,
Мы с тобой ходили-топали,
Обнимались под березою,
Целовались под осиною.
Я любил тебя, курносую,
С тонкой талией осиною.

В ней, осиною, столько пагубы!
Я боялся – не сломалась бы.
Обнимал тебя и стискивал,
Слышал пальцами исподнее,
И пьянел от тела близкого,
Чуя действие господнее.

Как тропа свернула в сторону,
Ни сороке и ни ворону
Не расскажем, пусть, летаючи,
Век живут, о том не знаючи.

Ах, бретельки эти крепкие!..
А репы такие цепкие,
Но меж них цветы медовые —
Лепестки-головки-маковки —
Всё для нас,

И мы готовые
Хоть для счастья, хоть для каторги!

...За рекою даль туманная.
Над рекой заря обманная.
От зари осины красные!
Как они в ладоши хлопали!
С ними хлопали и ясени,
И меж ясенями тополи.

«Вечер окна зажег, расплескал кружева...»

Вечер окна зажег, расплескал кружева,
Самоварную высветил медь.
От копеечной свечки сгорела Москва,
Нам с тобою без свечки сгореть.

Тени кружат, тиктакают время часы —
Неподкупный бездушный конвой.
И слезится стекло чистой каплей росы,
Да за печкой шуршит домовой.

Что он шарит в потемках – поди, разберись!
Чем пустой набивает карман?..
Перепутались руки и пальцы сплелись,
И глаза застиляет туман...

«Полдень. Ласточка мается...»

Полдень. Ласточка мается
Вдоль стрехи, вдоль окон.
Солнце набок повалится
И пойдет под уклон.

И поедет, покатится
По стерне, по меже.
Станет щуриться, ластиться,
Глядь, и вечер уже.

Глядь, и звездочка в форточке,
Влажный дым на листьях...
Ты придешь в новой кофточке,
Вся в духах и цветах;

Вся в шуршании шелковом.
Не кружись, голова!
А за волоком Волковым
Нынче в пояс трава.

Хмелем диким повитая,
Мыта божьей росой,
Ни копытом не битая,
Ни серпом, ни косой.

«Всё проходит в жизни, но не это...»

Н.

Всё проходит в жизни, но не это.
Не зови, не плачь и не жалея...
Ехала околицей карета,
Слушала, как свищет соловей.

В той карете золушка Наталья
Ехала нарядная на бал.
В три колена соловей каналья
Песню загибал и разгибал.

Завивалась песня, развевалась,
Верною дорожкой вела.
И звезда хрустальною казалась,
И луна серебряной была.

Как свеча! Вся в трепете и свете.
Веером развернуты лучи.
Не бывало отродясь на свете
Вот такой серебряной свечи!

При такой – да с принцем! – обвенчаться!

Башмачки росю оросить...
Той дороге быть и не кончатся,
Башмачки вовеки не сносить.

«И пошел я гадать к гадалке...»

И пошел я гадать к гадалке,
К молодой, еще не жене.
Наигрался с гадалкой в салки,
И сказала гадалка мне:

– Угонял ты меня, старался,
Только знаешь ли, дорогой,
Ты не выиграл – проигрался,
Не бывать тебе с той, с другой.

Жемчуга у нее, рубины,
Гребней золото в волосах,
Только слаще моей малины
Не отыщешь во всех лесах...

Нагадала и угадала.
Я за жизнь на своем пути
Ягод сладких сорвал не мало,
Только слаще не смог найти.

«А в том краю царила кутерьма...»

А в том краю царила кутерьма,
Стонала Колыма,
Шумела выюга...
Когда бы мы не встретили друг друга,
Я б жил как жил и не сошел с ума.

Я столько лет томился и мечтал,
Писал поэмы, сочинял свиданья,
Я сам себя отковывал в металл
И в мыслях возводил такие зданья —

С особыми – и тщаньем и трудом!
Рубил концы, клепал замки железны...
Скажи, и я разрушу этот дом,
И выведу тебя из этой бездны.

«С тяжких веток яблоки падают и падают...»

С тяжких веток яблоки падают и падают,
Пахнет спелой осенью в поле и в саду.
Падают и падают, падают и радуют,
Водят счастье за руку – не беду.

Утки над озерами взад-вперед мотаются,
Ночью волки серые рыщут по логам,
Ходят гуси по двору – перья осыпаются,
Серые – к распутице, белые – к снегам.

Я перо гусиное лезвием отточенным
Очиню по правилам, как учил поэт,
И строку грядущую я начну отточим
Ровным как по первому снегу лисий след.

И слова закружатся, и мотив завертится...
Выпадает всё-таки в жизни благодать:
Со стихом намаяться, в нем с тобою встретиться
И успеть все яблоки до утра собрать.

«Когда я милых дам целую под вино...»

Когда я милых дам целую под вино,
И глажу руки их, и трогаю, где можно,
Я думаю, за что судьбою мне дано
Такое на веку...
И снова осторожно
Спускаюсь в тот же рай и наполняю вновь
Сверкающий бокал сверкающим игристым,
И если зрю рисованную бровь,
И голубя, с небес летящего со свистом,
Чтоб ветку мира бросить нам к ногам,
И нашу жизнь наполнить новым светом,
Я говорю спасибо всем богам
За то, что повезло
Родиться в мире этом.

«Я, конечно, восстану из пепла.....»

Я, конечно, восстану из пепла...
Только главное в жизни моей,
Чтобы ты от любви не ослепла,
Этой яростной новой твоей.
Для меня это рана и рана!..
Я ладоней касаюсь твоих
И грядущее – как из тумана,
Где не видно тропы для двоих —
Только узкая стежка над краем,
Только зыбкая тень на ветру,
Где трепещет костер, догорая,
И никто не подходит к костру...
Вот такая элегия, лада.
Но когда допишу, допою,
Ты исчезнешь, грядущему рада,
И оставишь меня на краю,
Над обрывом...
Но в памяти снова
Ты мне явишься – память жива! —
И хорошее вымолвишь слово,
И горячие скажешь слова...
– Помнишь? – Помню...
– Ты рада ли? – Рада!..

– Как тебе на другом берегу?

Может быть, ты та самая правда,
Что уже я найти не смогу.

Из жизни

Предлагает счастливый билет,
А самой и шестнадцати нет.

Села рядом и смотрит в глаза:
– О любви почитайте стихи...
Ах ты, язва, коза-дереза!
Я такой не пишу чепухи.
– Хо-хо-хо! – Я сказал. – Ха-ха-ха!..
И подальше пошел от греха.

Я впервые позорно бежал,
Не примерив к тем ножнам кинжал.

Шмели

Черный бархатный шмель...

И. Бунин

Июнь всё ярче, всё духмяней,
Всё выше солнце, всё теплей,
И на любой лесной поляне
Гудеж от золотых шмелей.

Качают вереск. Вереск гнется.
Шевелится. Гудит гудом!
Мед вересковый достается
С таким трудом,
С таким трудом!

Как будто на воздушных ватах
Они висят, гудя, трубя,
Я их люблю, таких мохнатых,
Сильней, чем самого себя.

Я их люблю за труд упорный,
За то, что с голосом густым
Любой и бархатный, и черный,
И с коромыслом золотым!

«Какая маленькая пчелка...»

Какая маленькая пчелка!
Какой наряд, какая плоть...
А как умна!
И надо ж сколько
Ума ей выделил Господь!

Всё понимает, представляет:
Когда лететь, зачем, куда,
И никому не доставляет
Ни малой толики вреда.

Подчинена одной заботе,
Всегда в трудах, в полете...

Под небом, солнечною пылью,
Она летит, подождена,
И не печалится, что крылья
Быстрее сгорают, чем она.

Рута

Мечтай, мечтай...

И. Бунин

О чём молчишь, глазами – на Стожары?..
Ошейник снят и, вольная уже,
Ты смотришь в ночь и синие пожары
В твоих зрачках, как проблески в душе,
Колеблются...
Так будет до утра!

Что ухо слышит? Звуки ли вселенной,
Чужую речь у дальнего костра,
Сайгака ль тень, что дробью переменной
Стучит по косогору? – не пойму.
Ты вся – струна, натянутая стройно!

И жизнь идёт спокойно и достойно,
В служенье господину своему.

Яблочки

Был Ваня сторож нехороший.
Ружье, небритая щека,
Косоворотка в злой горошек
И ремешок поверх пупка.

Он пацанов, до яблок падких,
Дай волю – бил бы наповал.
Он не давал нам яблок сладких,
Да он и кислых не давал.

Орала ором Зостепанна:
– Они опять идут, Иван!
Иван, отвязывай Полкана!..
И на плетень влезал Полкан.

Поганый пес был черной масти.
На черном желтые зрачки
И в желтой пене в желтой пасти
Варились желтые клыки.

А мы орешками плевали,
Но каждый ощущал спиной
И холодок потертой стали,
И зубы с бешеной слюной...

А баба в крике заходилась,
И клушей рыхлой от гнезда,
Вся расшаперевшись, садилась,
Как не садилась никогда,

На старый пень ракиты-вербы
Среди сухих корней-плетней,
И было скверно ей, наверно,
И очень дурно было ей...

Кряхтя, тащился Ваня следом.
Хрипела псина за плетнем.
Мы шли, плюя, к ночным победам,
Не воровать же фрукты днем!

И знали – утром в сельсовете
Поднимет Зойка шум и вой,
Но год стоял две тыщи третий,
А это не 37-ой.

«Мне нравится осень...»

Мне нравится осень.

Спокойно и немо

Над нами висит потемневшее небо.

До дна свою летнюю синь расплескало

И ниже спустилось как будто устало.

Уходят на зорях последние птицы.

В деревне всё реже случайные лица.

Деревня свои поправляет навесы,

И лоси всё чаще приходят из леса,

Молчат в удивленье, качают рогами,

Как будто впервые встречаются с нами...

Мне нравится осень.

Прекрасные сроки!

Прошедшего лета подводим итоги,

Планируем зиму, не мыслим побега,

Живем в ожидании первого снега

В далекой сибирской глухой стороне

С великой заботой о завтрашнем дне.

Тихая охота

Повстречал я его в лесу.
Мужичок, сразу вижу, крепкий!
Он смотрел из-под темной кепки,
Ловко пряча свою красу
За охапку рыжих листьев —
Мол, попробуй, его возьми!

И достал я с веселым свистом
Нож, наточенный для резни.

Не дразнися красой своею!
Не скрывайся от глаз во мху!
Он не думал, что я сумею,
Он не верил, что я смогу.

А я левой рукою – в мох!
Да и правой еще помог...

Шоколадный был. Боровой!
Заплатил за всё головой.

Утро

Проснулись – осень!
Огненные листья,
Как триста лис, лежали на траве.
Еще три дня – их будет здесь не триста,
А тысяча, пожалуй, или две.

На небесах ни облака, ни дымки,
И так светло, что видно за пять верст
Как на ветвях серебряные льдинки,
Подчеркивая белизну берез,

Блестят, росую наземь опадая.
Свистят крыла, раскачивая высь.
Куда летишь, гогочущая стая!
Повремени,
На миг остановись!

Дай подышать тревожную прохладой,
Пусть эта радость длится без конца —
И бой дроздов в рябинах над оградой,
И звяканье причального кольца,

И шум винта, и пенный след за лодкой,
И в тростниках иконная вода,

И я, идущий легкою походкой
Из тьмы веков неведомо куда.

Суббота

Ольха в косыночке из ситца желтым-желта.
Стряхнула ранняя синица печаль с куста.

Гуляет солнце стороною, и с ветерком
То плесенью пахнёт грибною, то холодком.

Сосед с утра огонь разводит и говорит,
Что вот копна сухая, вроде, а не горит.

Он под копну с сухой ботвою сена гребет,
И зажигалкой фронтовою скребет, скребет.

А ветерок дымком играет и так, и сяк.
А за рекою в небе тает гусей косяк.

И крестовик в тоске махровой ловушку вьет,
И смотрит, как бадьей дубовой журавль бьет

О сруб, дождями побеленный, а сруб гудит,
Что стопка нам под гриб соленый не повредит.

АВГУСТ

Утро свечкой взошло. Воздух свеж и духмян.
Шмель – заречных просторов седой пилигрим —
Залетел в палисад, все цветы перемял.
Он не просто их лапал, он шлялся по ним.
Вытворял, что хотел!
Волосат и могуч,
В соболях словно князь, он гудел, он урчал!
Несказанно хорош, он светился, как луч,
И не просто светился – тепло излучал.
У соседского клена стекало с плеча,
Он плескался листвой, золотишком сорил,
И петух, острой шпорой о шпору бренча,
Выступал из сеней и за жизнь говорил.
Говорил, что в полях дозревают хлеба,
Что в хозяйских подвалах бушуют меды,
Что у старой коровы отвисла губа,
А колода суха – не напиться воды,
Говорил, что пора отворять ворота,
Говорил, что грядут суматошные дни,
Что с востока такая идет духота,
Что не будет спасения даже в тени.
Янтарями сверкал, громко крыльями бил!
И от этого шума, от крыльев, от шпор
Новый день, занимаясь, туманы клубил

И катил их к подножью синеющих гор.

«...но негаданно нежданно...»

...но негаданно нежданно
Повернешь, а за углом
Дворник листья из тумана
Выгребает помелом.

Он медведя с тетей помесь!
Он огромен, он хорош!
У него заткнут за пояс
Самодельный острый нож!

Он листву смахнет с беседки —
Листья ссыплются гужом,
Он сухие срежет ветки,
Полюбуется ножом.

И всё крутит, и всё машет —
У него довольно сил,
Он с утра наелся каши,
Горьким луком закусил.

И теперь, сгребая листья,
Говорит он: «Вот уж
Будет в сквере чисто-чисто,
Будет людям хорошо.

Будут люди каблуками
Выговаривать, как петь,
Будут звонко сапогами
На всю улицу скрипеть!»»

«Перепаханы пашни. Поля...»

Перепаханы пашни. Поля,
Отработав, желали покоя.
Голубела пластами земля,
И машины, натруженно воя,
Отъезжали с утра на восток,
Чтоб вернуться успеть до обеда...

А потом появился росток
Удивительно нежного цвета.
И ростки потянулись.

Ростки!

А потом зеленыя зашумели,
И над темною лентой реки
Дождь повис и висел две недели.
Самосадом чадило село,
Дым катая по выгнутым крышам...
И однажды проснулись...

Светло!

– Эй вы, сонные! Слышите?

– Слышим!..

Заскрипели полозья саней,
И в потоках морозного пара
Запряженных игреневых пара,
Превращаясь в небесных коней,
Опьяненная летом и бегом,

С облаками смешалась и снегом.

«Снег упруг. Дорога ровная...»

Снег упруг. Дорога ровная.
Ночь на убыль и луна
На бок валится. Огромная!
Словно сталь, обнажена.

Скрип да хруст, и звездно светится
Синий наст, и на сто верст
То исчезнут, то пригрезятся
Россыпи медвежьих звезд.

До бела отмыты, начисто!
И средь бликов и теней
Волчий глаз в чапыге прячется,
Изумруда зеленей.

Не храпи, моя каурая.
Надо будет – послужу.
Я твоею конской шкурою,
Как своею, дорожу.

Порох сух, имею право я...
Право каждому дано
Постоять за дело правое,
Если требует оно.

Вот и снова весна

1

Вот и снова весна!
Ну, а как же иначе?
С тонким льдом на заре,
С темным снегом в логах.
Протираются стекла и ставни на дачах,
Убираются ржавые листья в садах.
По утрам над рекою клубятся туманы,
И при виде оттаявшей черной земли
Очищаются души, врачуются раны.
А на север летят и летят журавли.
Я им вслед посмотрю и на миг онемею
От сознания того, что в кругу бытия
Разлюбить эту жизнь я уже не сумею.
Я – причастен.
И в этом удача моя.

2

Стукну в створки окна, и запахнет весной,
И замру я, услышав, как гуси кричат...
Почему – надо мной?
Почему – по ночам?
Может, это – меня? Может, это за мной?

Я согласен – а что! – в два крыла отдохнуть
Над огнями России, над черной водой.
Под звездю Полярною ляжет мой путь,
И окончится путь – под Полярной звездой.

Встань, окно распахни!
Пусть весна входит в дом,
Пусть стучит в подоконник сырая ветла.
Я не стану жалеть о решенье таком,
И согласен лететь.
Дайте мне два крыла!

«Распахнется окно на зарю...»

Распахнется окно на зарю.
Здравствуй, день!
Здравствуй, жизнь!
Здравствуй ты...
Вдоль тропинки, под стать янтарию,
Кто-то ночью рассыпал цветы.

И лежат они в форме колец
На земле обнаженной, живой.
Звонко пробует горло скворец
В тополях над моей головой.

На деревьях еще ни листа.
Ветви частые словно вуаль.
И до самых предгорий чиста
Предрассветная ранняя даль.

Словно светом промыта она —
Дивным светом! — до самого дна!
И нисколько не портит ее
Крик ворон и само воронье.

«Май окончен. Целуясь, голуби...»

Май окончен. Целуясь, голуби
Это знают. Вот и воркуют.
В парке липы, уже не голые,
Пахнут свежестью и кукуют
За околицей две бездетные,
Намекая, мол, вот, случается,
И три Золушки, в драп одетые,
От автобуса к избам чалятся.
Накупили нарядов – поровну:
Жемчуга всё, оборки-кружевца...
И чернеют на крышах бороны.
И два аиста в небе кружатся.

«Синим утром в лесу пьет кукушка росу...»

Синим утром в лесу пьет кукушка росу.
Пьет росинки с листа. Пьет с любого куста...

Влажен каждый листок, что ни лист, то глоток...
А когда за холмами забрезжит восток,

Встрепенется кукушка, замрет на суку
И отчаянно тихо уронит «ку-ку».

И на этот сигнал, что плывет, невесом,
Отзовутся кукушки соседних лесов.

Поплывут эти звуки, звеня и маня...
И годами кукушки окружают меня!

Я не стану считать в этой утренней мгле,
Сколько весен еще проживу на земле.

Буду жить и служить. Поживу, послужу.
А земля надоест – сам ей «хватит» скажу.

«Люблю мгновение, когда...»

Люблю мгновение, когда
Цветок весенний так набухнет,
Что грянет гром, и с громом рухнет
С небес отвесная вода.

И я пойму – она оттуда,
Откуда и свершится чудо,
Которое мы ждем-пождем,
Душа к которому стремится,
Какое и должно явиться
Однажды с громом и дождем.

«Сказал – вернусь...»

Сказал – вернусь.
Потом добавил: – Нет...
Не ждите, мол,
И с тем Его не стало...
Писавшее перо не записало.
Слыхавший с Ним ушел...

Две тыщи лет
Прошло с тех пор. Ни весточки, ни духа.
Но храм воздвигнут и свеча горит,
И с Ним любой, кто хочет, говорит,
Напрасно напрягая глаз и ухо.

«Травы мягкие, как скатерть...»

Травы мягкие, как скатерть.

Чад костра. Ослиный дух.

На поляне Божья Матерь

Делит хлеб на четверых...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.